

8. Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. / упоряд.: В. М. Даниленко. – Київ : Темпора, 2012. – 756 с.
9. Калакура, Я. С. Джерелознавство / Я. С. Калакура // Українська архівна енциклопедія. Д-М. Робочий зошит. – Київ : Держкомархів України, 2006. – С. 105–106.
10. Ковальчук, О. О. Українське історичне джерелознавство доби романтизму: [Монографія] / О. О. Ковальчук. – Київ, 2011. – 324 с.
11. Мельник, Л. Г. Предмет і методологія історичної науки / Л. Г. Мельник. – Київ: Вища школа, 1977. – 134 с.
12. Петров, В. П. Українська інтелігенція – жертва більшовицького терору / В. П. Петров // Слово і Час. – 2010, жовтень. – № 10 (598). – С. 79–99.
13. Преловська, І. Проблема використання у архівно-кримінальних справах терміну «фашизм» щодо Української автокефальної православної церкви (1921–1939) у міжвоєнний період / І. Преловська // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова). Матеріали Дев'ятої Міжнар. наук. конф. 25–27 травня 2011 р. – Київ : НКІПКЗ, 2011. – С. 158–160.
14. Преловська, І. Деякі проблеми джерелознавства історії Української автокефальної православної церкви (1921–1938) / І. Преловська // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. На пошану київського митрополита Євгенія (Болховітінова). М-ли X Міжнар. наук. конф. (30 травня – 1 червня 2012 р.). – Київ, 2012. – С. 140–144.
15. Преловська, І. М. Методи і принципи дослідження документальних джерел з історії Української автокефальної православної церкви (1921–1930) – Української православної церкви (1930–1939) / І. Преловська // Український Археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 18. Український Археографічний Збірник. Том 21. – Київ : Український письменник, 2013. – С. 63–100.
16. Ульяновський, В. І. Історія церкви та релігійної думки в Україні: Навч. посібник : у 3 кн. Кн. 2. Середина XV – кінець XVI століття / В. І. Ульяновський. – Київ : Либідь, 1994. – 254 с.
17. Шаповал, Ю. І. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи / Ю. І. Шаповал, В. І. Пристайко, В. А. Золотарьов. – Київ : Абрис, 1997. – 608 с.

Кузнецова Т.И.

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

Понимание того, что есть исторический источник и его информативный потенциал, напрямую связано с представлением о предмете исторической науки. Таковым является человек во времени и пространстве или человеческая деятельность [1, с. 8] или социальная реальность, точнее социально-природная (для архаических обществ – природно-социальная), которая создается разнообразным по характеру и уровням общением людей и включает в себя не только физические действия человека в различных сферах его жизни и деятельности, но и его эмоционально-ментальный мир, в том числе – мир воображаемого [см. 3, с. 7; 5, с. 22]. Такое понимание предмета исторической науки побуждает акцентировать роль текста, который, с нашей точки зрения, есть любого характера внешнее выражение человека, в силу этого являющееся актом и результатом коммуникации. Поэтому текст можно определить как узел разнохарактерных и разноуровневых социальных связей, распутывая который историк обретает возможность увидеть через фрагмент целое, осмыслить его, понять, реконструировать. Ядро текста – это воплощенная в нем, в его структурных компонентах определенная картина мира, которая превращает текст из творения в творца и сказывается на его социальном созидательно-разрушительном потенциале. Таким образом, текст является составной частью социальной реальности, и сама реальность предстает как сложная система разного рода текстов, на исследовании, анализе которых концентрируется работа историков. При этом крайне важно осознать, что содержание информации текста не тождественно реальности и содержательной является форма текста. Те тексты, кои попадают в поле зрения представителей этой отрасли науки, становятся историческими источниками. Отсюда очевидно, что потенциальный их круг почти бесконечен, ибо ограничивается лишь возможностями внешнего выражения человека и сохранностью, доступностью возникающих в процессе человеческой коммуникации текстов.

Информация же, извлекаемая из исторических источников, зависит как от понимания историком предмета своей науки и соответственно поставленной им для решения проблемы, так и от жанра отобранных для анализа текстов, от аналитических навыков исследователя, равно как и от представлений его об информативном потенциале источников. Его характеристика может быть двоякой, опирающейся на два критерия. Первый из них – это способ подачи информации, согласно которому источниковая информация является прямой, намеренной и косвенной, ненамеренной; и второй – содержание, обнаруживаемое в трех взаимопроницаемых сферах – жизненных реалий, представлений о разнообразных явлениях мира и человеке (причем представления могут быть формируемыми и наличными, осознанными и бессознательными) и способа мировосприятия/мышления. Дабы в полной мере раскрыть информативный потенциал различного рода источников, необходим анализ разного уровня структурных элементов любого

текста, используемого как исторический источник – начиная с формы его бытования и до, например, внутренней формы слова. Так, в 30-е гг. XX в. значимым компонентом информационного пространства были публикуемые для широкой аудитории речи политических лидеров. Осмысление этого феномена позволяет выявить ряд транслируемых актом публикации устного слова лиц, наделенных властными полномочиями, представлений о роли подобного слова, о его авторе, о времени, о власти и ее носителе. Акт публикации речей представителей правящей верхушки, во-первых, утверждает мироустроительный смысл устного слова и потому представляет его автора в качестве демиурга, во-вторых, ситуативно-конкретное возводит в ранг надвременного, являясь, таким образом, способом преодоления времени. Факт публикации речи фиксирует момент превращения некоего настоящего (ситуативный контекст речи) в прошлое и введение его в новое настоящее в качестве инструмента и материала построения настоящего и будущего. Так опубликованный текст стягивает времена, ибо с момента его издания и распространения он становится частью любого грядущего настоящего. В-третьих, публикуемая речь, например, главы правительства/государства актуализует его личные прямые связи с аудиторией и тем самым умаляет публичный характер власти.

Не менее семантически значим характер публикации текстов. Так, например, в 1934–1935 гг. в Латвии увидело свет двухтомное собрание сочинений статей и речей Карлиса Улманиса, который в мае 1934 г. совершил в стране государственный переворот, распустив сейм и политические партии. Сам факт появления этого двухтомника после переворота свидетельствует о придании сим текстам статуса идеологического основания общества. Второй том данного собрания [7] содержит 93 речи К. Улманиса, причем 69 из них относятся ко времени после 15 мая 1934 г., что неявно, но реально закладывает в подсознание читателя представление о наибольшей значимости настоящего и о предшествующем периоде лишь как о подготовительном этапе, т.е. в определенной степени не обладающем самоценностью.

Все подобранные в данное издание речи объединены в три раздела, каждый из которых имеет особым образом оформленное название. Крупным шрифтом выделено *Runas par/Pечи о* –, затем следует вне языковой нормы поставленный знак тире – и далее – краткое описание содержания речей соответствующего раздела. Ненормативная постановка знака препинания уравнивает в значимости акт речи и ее содержание. Более того, приоритет отдается именно акту речи, на что указывает избранный для написания самого слова *runas/pечи* особо крупный шрифт. Таким образом, манифестируется демиургический характер звучащего слова и формируется представление о том, что именно оно определяет содержание исторического процесса. Правда, это справедливо преимущественно в отношении только слова вождя и объединителя латышского народа К. Улманиса. Исключительная роль его слова подчеркивается и наличием эпитафий к каждому разделу указанного сборника, ибо они представляют собою выдержки из какого-либо высказывания самого К. Улманиса, что позиционирует его как миротворца, а его слово как всеобъемлющее. Наличие подобных эпитафий к тому же изобличает неостребованность диалога с другими и задает представление об унифицированном мире, в котором исключается разнообразная множественность.

В отсутствии или наличии названий текстов, исследуемых в качестве исторических источников, проявляется самосознание, мироощущение их авторов, отношение к возможной аудитории и представление о ней. Так, если многие стихи О. Мандельштама названий не имеют (в книге стихов *Камень* 69 текстов, из них 47 без названий и в них часты личные местоимения *я* и *ты* [4]), то поэтические тексты Н. Гумилева [2] отличаются всегда имеющимися названиями, которые указывают на конкретное ли явление, предмет ли, лицо. И это говорит о различном видении этих людей себя в мире. Один из них ощущает себя предстоящим миру и устанавливающим диалог с ним в его многообразных проявлениях, второй же утверждает себя в качестве завоевателя, того, кто осваивает и присваивает.

Формулирование названий текстов, выбор слов, конструирование фразы дают возможность обнаружить наличные, не всегда осознаваемые, и внушаемые аудитории представления о феноменах социально-природного мира. Так, например, анализ названий юбилейных изданий, вышедших в свет в первой Латвийской республике (1918–1940) позволяет выявить официально транслируемые представления о государстве. Первое юбилейное издание, которым были отмечены пять лет со времени провозглашения Латвийского государства появилось в 1923 г. и называлось *Valsts pieci gadi/Pять лет государства* [8]. Название построено так, что формирует

представление о государстве как о растущей личности. Персонификация государства была продолжена в 1928 г. и нашла свое отражение в самом многотиражном издании (180 тыс. экземпляров) *Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi/Борьба Латвии за свободу и ее достижения* [6]. Надо сказать, что оборотной стороной персонификации государства является игнорирование значимости индивидуального я и соответственно деперсонализация истории как пространства взаимодействия людей. Это подтверждается, в частности, редкостью упоминания личных имен в указанных изданиях.

Представление о человеке и его соотношении с людской общностью вычитывается, например, из грамматических форм слов. Так, ведущей политической партией в Латвии в 1920–1934 гг. был *Латышский крестьянский союз/Latviešu Zemnieku savienība*. Если сохранять свойственное ментальности латышей выраженной и формируемой языком, то следовало бы это название политической организации переводить как *союз латышей крестьян*, однако такая вербальная конструкция не отвечает нормам русского языка, равно как и ментальности русских. Латышское название, в котором употреблены существительные, указывает на общность, состоящую из индивидов, кои не исчезают в ней, подобно множеству спичек в коробке. Русское же название, составными частями которого являются прилагательные, также указуя на общность, акцентируют ее качественную определенность, дарованную растворившимися в ней индивидами.

И, наконец, самый глубокий уровень структуры вербального текста – внутренняя форма слова, значение которой рассмотрим на примере слова *zemnieks/крестьянин*, предложенного вышеупомянутой политической партией в качестве модели самоидентификации для ее потенциальной аудитории. Внутренняя форма этого слова подчеркивает принадлежность индивида земле, так как данная грамматическая форма с суффиксом – *nieks* выражает не столько действия субъекта, как в слове *zemkopis/земледелец*, сколько взаимное расположение на одной плоскости земли и человека. Кроме того, *коннотации* привносит указанный суффикс, ассоциативно связанный с существительным, обозначающим *пустяк, безделица*, а также корень *zet* от *zeme/земля*, коррелирующий с предлогом *zet*, т.е. *под*. В результате насаждаемое официально-установочными словами *zemnieks/крестьянин* в известной степени умаляло значение человека как субъекта, проявляющего себя в самостоятельном смысло-и-целесообразном и инициативном. Следует отметить, что, судя по беседам со студентами и преподавателями ДУ, сниженное значение слова крестьянин ощущается и современными латышами.

Подобное чтение, в данном случае вербальных исторических источников (однако это справедливо по отношению к любому характеру текстов), открывает возможность неоднородного, углубленного понимания исторического процесса как сложной системы человеческого взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности людей.

1. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
2. Гумилев, Н. Собр. соч. в 4-х тт. Т.1 / Н. Гумилев. – М.: Terra-Terra, 1991. – 416 с.
3. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 2001. – 439 с.
4. Манделштам, О. Камень / О. Манделштам. – Л.: Наука, 1990. – 398 с.
5. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро. – СПб.: Alexandria, 2013. – 448 с.
6. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi. – Rīga: Brīvā Zeme, 1928. – 32.lpp.
7. Ulmanis, K. Sabiedriskie raksti un runas II sēj., II sēj. / K. Ulmanis. – Rīga: Zemnieka Domas, 1935. – 535.lpp.
8. Valsts pieci gadi. – Rīga: Izglītības ministrijas izd., 1923. – 32.lpp.

Костякова Ю.Б.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Материалы средств массовой информации советского периода являются, на наш взгляд, социокультурным феноменом, возникшим под влиянием не только технического, экономического, но, прежде всего, политического фактора. Своей совокупностью они формировали у аудитории искаженные представления о действительности, то есть своеобразную медиареальность, основу которой составляли политические установки высшего руководства партии и мифологизированные стереотипные представления о действительности.

В отличие от картины и модели мира, под которыми в первом случае подразумевается детализированная система представлений человека о мире, а во втором – своеобразный набор сведений о действительности, медиареальность представляет искусственно конструируемый куль-